

Елена Мейсак

ДЕРЖИСЬ
ЗА ЖИЗНЬ, ОНА
КОРОТКА

Елена Мейсак

**Держись за жизнь,
она коротка. Рассказы**

«Издательские решения»

Мейсак Е.

Держись за жизнь, она коротка. Рассказы / Е. Мейсак —
«Издательские решения»,

Герои книги — обычные люди. Для многих из них жизнь — борьба, погоня за артефактами, которые не приносят им ни счастья, ни радости. Удастся ли нашим героям исправить свои ошибки или лодка их жизни разлетится на миллионы бесполезных щепок?

© Мейсак Е.

© Издательские решения

Содержание

Шерстяной завиток	6
Последний день	8
Полмира до тебя	13
Волк	22
Амбrella для нового русского	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Держись за жизнь, она коротка

Рассказы

Елена Мейсак

© Елена Мейсак, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора: все рассказы данного сборника являются художественным вымыслом автора, за исключением тех, в которых прямо указано: «основано на реальных событиях». Упоминания любых имен, мест и событий приведено исключительно в описательных целях. Ни в одном рассказе автор не подразумевает и не выражает своего личного отношения ни к одному из указанных имен, мест и событий. Отношение автора к любому месту, имени и событию нейтрально, а любое сложившееся у читателя мнение на этот счет является совпадением, которое вызвано непреднамеренно. «Основано на реальных событиях» не подразумевает, что реальные события происходили непосредственно с автором. Данные события могли происходить с кем угодно, где угодно, и в любое время.

Шерстяной завиток

Посвящается Томасу. Спасибо тебе за то, что радовал нас целых 18 лет.

Основано на реальных событиях

...Она находилась на самом прекрасном пляже побережья. Дул теплый ветерок с океана, неспешно нагоняя прибрежные волны на белый песок. Она собиралась уже уходить, как вдруг услышала приятный голос, что-то говорящий на испанском языке. Она не понимала ни слова из того, что слышала, но голос был ей приятен на слух. Обернувшись, она увидела молодого человека, который не спеша приближался к пляжу. Казалось, он говорил сам с собой. Мгновение спустя она увидела рядом с ним симпатичного черного спаниеля, который дружелюбно трусил рядом. Шерсть спаниеля была вся мокрая, словно он только что совершил марафонский заплыв через Атлантический океан.

Хозяин спаниеля выглядел довольно странно: белые кроссовки и слегка грязноватые футбольные трусы, как будто он только что принимал участие в матче Зенит-Спартак. Он разговаривал со своей собакой. Со стороны это выглядело довольно странно, так как в России с собакой говорить на людях осмелятся далеко не все. Невольной свидетельнице этого явления стало неуютно, казалось, ей навстречу идет очередной городской сумасшедший, который перегрелся на жарком канарском солнце и вот-вот начнет докучать ей чем-нибудь. Она уже было собиралась уйти, но будто невидимая рука остановила ее. Она смотрела на этих двоих и не могла понять, что же это было.

И вдруг ее осенило: эти двое словно не замечали ничего и никого вокруг: хозяин и его собака – два закадычных друга, две родственных души, два навсегда сплетенных сердца. Им было весело, хорошо и здорово вдвоем, и было наплевать, что происходит вокруг, что подумают люди про то, о чем он говорит со своим шерстяным компаньоном.

Хозяин спаниеля поднял легкий камень вулканической породы и бросил его на свежесозданный волнорез. Пес, радостно виляя хвостом, бросился вслед за камнем. Начинаясь удивительная игра. Она, уже давно забыв про свой страх и намерение уйти, наблюдала за ними. Вот пес бежит по волнорезу, а потом возвращается. А хозяин опять говорит с ним, словно рассказывает, что накопилось за день, чем больше всего хочется поделиться. Пес увидел какую-то диковинную птицу, на тонких лапках бегущую по песчаной кромке пляжа, и радостно ринулся за ней.

Через мгновение молодая женщина, наблюдавшая эту картину, опять немного поежилась. Хозяин собаки, не снимая ничего из своей футбольной амуниции, даже тяжелых кожаных кроссовок, ринулся в океан, начинавший нахлестывать волны. К непогоде, подумала она. Нет, он точно, абсолютно точно сумасшедший. Так, по крайней мере, принято считать.

Сидящие на пляже люди, похоже, думали то же самое. Лежащие в палатке туристы показали на него пальцем и что-то пробурчали друг другу. Она взяла в руку шлепанцы и подняла сумку, чтобы уйти, но вдруг остановилась, словно вкопанная.

Пес, жалобно скуля, рванул за своим хозяином, словно боялся остаться один в этом непонятном ему и потому враждебном мире. По всем признакам пес не являлся пловцом экстра-класса, проплыв всего десять метров, он начинал задыхаться и пытался повернуть назад, но даже страх утонуть в океане не мог побороть его желания быть со своим хозяином – своим закадычным другом и лучшим товарищем. Хозяин, видя отчаянные попытки своего любимца нагнать его, повернул назад. Приплыв на берег, он обхватил мохнатое тельце своими руками, крепко обнял и что-то забормотал по-испански. Наверное, просил прощения за то, что покинул его, так, по крайней мере, это выглядело в собачьем мире.

Она уже ничего не слышала. Слезы застилали ей глаза, но она и этого не замечала. Вместо океана она видела воду, но совсем другую – спокойную и с коричневатым оттенком, это был даже не океан, а скорее небольшой пруд, по берегам которого росли камыш и осока. Она стоит по колена в воде, собираясь в заплыв на другой берег. Она на двадцать лет моложе, чем сейчас, стройнее и бесстрашнее. Сложив руки домиком, она считает до трех: раз, два... три! И пулей влетая в воду дачного пруда, начинает энергично грести руками. Только бы не встретить пиявку или еще какого-нибудь любителя испортить заплыв.

И вдруг она слышит учащенное дыхание позади себя, как будто кто-то пытается нагнать ее и сообщить нечто, имеющее сверхъестественную важность. Обернувшись назад, она видит за собой собаку. Его имя – Томас, он родился черным кучерявым пуделем и очень гордится тем, что у него есть порода и такая замечательная хозяйка, у которой для него всегда есть еда и теплый кров.

Кучерявым он стал не так уж и давно. Всего несколько месяцев назад он превратился из шлепающего по лужам толстого мохнатого увальня в поджарого кудрявого красавца, гордость своих хозяев и предмет мечтаний их соседей.

Но что он делает здесь? Она уже доплыла до середины пруда. Он ведь и утонуть может. Она гонит его назад. Пес, уважая ее мнение, поворачивает назад. Но страх раз и навсегда потерять своего друга, свою единственную в этом мире опору, пересиливает все, и он, преодолевая усталость, все же, разворачивается и плывет за ней. Приходится ей вопреки своим планам поворачивать назад.

На берегу она обхватила своего мохнатого друга руками и пробормотала: «Дурачок, куда же ты мчишься? Так и утонуть можно! Ты же комнатная собака, а не речная». И потрепав его еще раз по кудрявой шубе, она надела на него поводок. Так и шли они, пес и его хозяйка, никого и ничего не замечающие вокруг. Со стороны это, наверное, выглядело немного странно – она шла, словно говоря сама с собой. Проходящие мимо дачники, наверное, подумали, что это какая-нибудь городская сумасшедшая. Но этим двоим, топавшим в ногу по пыльной дачной колее, было абсолютно на это наплевать.

Елена Мейсак

Лансароте, сентябрь 2010 г.

Последний день

День подходил к концу. На детской площадке возилась ребятня, их мамы, смеясь, лузгали семечки и перемывали кости мужьям, которые отдыхали от напряженной работы за вечерней чарочкой.

Солнце виновато пряталось за горизонт, розовыми бликами оттеняя набегающие перистые облака. Эту почти идиллическую картину нарушил весьма странного вида мужчина, вышедший во двор из подъезда. На дворе был уже почти июнь, но мужчина был одет в теплое кашемировое пальто пронзительно-черного цвета.

Когда-то это пальто, наверное, было дорогим, но сейчас являло собой лишь выцветшую тень былой роскоши, блестя на солнце залоснившимися боками и кое-где побитое молюю. Мужчина был худ, страшно худ. Даже его легкая небритость не могла скрыть ввалившихся щек. Он давно не выходил на улицу, и даже вечерний свет слепил его.

Едва он сделал шаг, как беззаботное выражение лица мамаш с площадки сменилось взглядом, наполненным тревогой. Кто он, этот человек? Что ему нужно в их дворе? Почему он одет в пальто? Наверное, это маньяк или эксгибиционист, который ходит вечером по улице и пугает прохожих. Быстро хватая за руки детей, мамы, торопясь, потянулись к выходу.

Мужчина не заметил, какой фурор произвел на окружающих его людей. Он вышел погулять. Что-то говорило ему, что сегодня – его последний день, и он хотел прожить его настолько хорошо, насколько мог.

Никому и ничему не позволял он нарушить свой покой – ни строителям, громившим под евроремонт стены соседней квартиры, ни даже пакету с громким названием, лежавшим в его в коридоре мертвым грузом. Конверт пришел сегодня. Он почти точно знал, что в нем, поэтому-то и не хотел открывать его. Пусть этот конверт откроют завтра, кому бы он ни достался. Сегодня – его день, и он таким останется навсегда.

Мужчина шел по улице, вызывая содрогание прохожих. Наверное, он производил впечатление жутко голодного человека, шатающегося по ветру. Стило ему остановиться и мечтательно окинуть взглядом парк, как вдруг к нему подошла сгорбленная старушка и суетливо сунула в руку батон хлеба. «Поешь, сынок, поди, денег у тебя совсем нет».

Денег у него и действительно почти не осталось, но какое это сейчас имело значение.

Это раньше, лет десять назад, он, потеряв работу, считал, что жизнь его закончилась. Нет, угодно было Богу, что закончится она не тогда. И даже не тогда, когда его предал друг, отбив у него жену. И даже не тогда, когда угнали его любимый Фольксваген. Его жизнь закончилась одним довольно унылым зимним днем, когда суровый мороз словно в насмешку раскрасил окна автобусов причудливым узором. Кашель не проходил очень давно. Что и не удивительно, ведь он безбожно курил.

Ему очень нравился этот процесс. Затянешься сигареткой и вдумчиво поглядишь в глаза собеседнику. А потом медленно выдохнешь дым себе под ноги. Или быстро, и на собеседника. Но какая теперь разница.

- У вас есть родственники? – замогильным голосом затянул врач.
- Какие именно?
- Ну, жена там, дети. Хотя нет, детей не надо. Родители есть?
- Нет, родители умерли, жена ушла, детей не нажили. Я один.
- Мне очень жаль, но у вас рак.

Жизнь его закончилась именно тогда.

Нет, физически он еще жил – что-то ел, что-то пил, где-то жил, но ему было абсолютно на все наплевать. Он не чувствовал вкуса пищи, не чувствовал больше вкуса жизни. Он истратил почти все свои деньги на дорогое лечение в одной из лучших клиник Швейцарии, но все было напрасно.

Теперь у него было одно легкое и ни единого шанса на жизнь. Домой его отпустили с напутствием написать завещание и поскорее привести свои дела в порядок. В последнее время уже практически не оставалось сил. К тому же, он сильно кашлял и без конца мерз.

Ну да хватит об этом. Грустные мысли слишком долго крутились в его голове. Слишком много сил он потратил на борьбу. Слишком много слез пролил в своей пустой квартире, терзая себя вопросом: «Ну почему именно я? За что, за какие грехи?»

Нет, сегодня он просто проживет один счастливый день, а если завтра все-таки наступит, то будь что будет.

Его бывший друг, уходя, заявил, что жизнь его закончится в одиночестве, потому что он не любит людей. Возможно, отчасти это было правдой, потому, что в глубине души он людей презирал.

Его до скрежета зубов раздражало, что многие по жизни не стремились ни к чему большему, чем, набив пузо семечками и залив начинающийся в желудке пожар литрами пива, сидеть на лавке в парке, коротая таким образом свою унылую, предсказуемую и блеклую жизнь.

Он всегда стремился вырваться вперед: и в школе, и дома, и даже среди друзей. Никто из его знакомых не знал пяти языков, а он знал. Никто из его знакомых не видел стольких стран, а он видел. Правда, пребывая в этом увлекательном процессе, он и не заметил, как в один прекрасный день самосовершенствование превратилось в банальную погоню за новым артефактом: посещение стран было все больше для галочки, ради испепеляющих взглядов друзей, завистливо разглядывающих его фотоальбом и мысленно желающих ему всяческих несчастий.

Сейчас он просто шел. До него донесся тонкий приторный запах платана. Он всегда считал, что это дерево не растет в средней полосе, но скорее всего, он этого просто не замечал. Вдохнув настолько глубоко, насколько он мог в своем состоянии, он мысленно перенесся на пять лет назад, в солнечную и невероятно гостеприимную Грецию. Однажды на площади прямо посреди улицы он увидел вековое дерево, источавшее такой же изысканно-приторный аромат. Дерево было столь высоким, что занимало собой практически всю

площадь. Помнится, он сорвал тогда листочек и положил в книжку. Где она сейчас, интересно?

Следующим артефактом на его пути было несколько лиственниц, дружелюбно расположившихся у входа в парк. Проходя мимо деревьев, он вдохнул их хвойный аромат. К его удивлению, его не скрутил удушающий кашель, как это было обычно. Ни сейчас, ни тогда, когда он любовался платаном. Наверное, один только запах этих чудесных деревьев благотворно подействовал на него, притупляя бдительность клеток, завоевывавших все большее пространство у него внутри.

Ему вспомнилась теплая хорватская ночь, шум прибоя и мохнатые лапы сосен, спускавшиеся прямо к морю. Вновь и вновь он вспоминал их хвойный запах, ковер иголок под ногами и многочисленные шишки, то и дело норовившие превратить его прогулку в балансировку на воображаемом канате.

Неподалеку строители свалили кучу белоснежного песка. И где только они нашли его? Однако мужчина средних лет, одетый в теплое пальто, не видел их.

Перед его затуманенным от слез взором простиралась безбрежная гладь океана, он слышал мирный шепот доминиканских пальм. И только сейчас он понял, как дорога была ему каждая крупинка, каждая деталь его путешествий, которые он раньше просто собирал для коллекции.

Он прошел мимо какого-то кафе. «Настоящее турецкое кофе!» – гласила реклама, выставленная прямо посреди дороги. Раньше он бы возмутился грамотностью владельцев ресторана, а сейчас просто грустно вздохнул. Какая разница, как в раю люди пишут слово «турецкий», и какого рода будет там кофе. На мгновение во рту у него вновь появился чарующий терпкий вкус свежесваренного напитка, того, что когда-то он пробовал в Стамбуле. Через минуту аромат сменился горьким сожалением.

Впереди шел старенький дедулька. На нем была застиранная черная майка с надписью Bangkok. Наверное, кто-то из внуков ему это привез. Интересно, идет ли сейчас там дождь, как шел тогда, когда там был он, средних лет гражданин в черном засаленном пальто. Больше всего на свете ему хотелось бы дожить до тех лет, когда и его внуки привозили бы ему сувениры на память.

«Либерти, ко мне!» – услышал он и вздрогнул. Кто-то звал свою собаку. Когда-то он был невероятно удивлен, узнав, что в короне статуи Свободы (Statue of Liberty) в Нью-Йорке есть место и для посетителей. Нечасто можно видеть памятники, внутрь которых можно вот просто так взять и залезть.

Так брел он, словно древние четки перебирая в памяти свои самые драгоценные сокровища, свои воспоминания. Ему было жалко со всем этим расставаться. Он знал, что если жизнь даст ему еще хотя бы один шанс или маленький шансик поехать куда-нибудь, он никогда больше не будет обходиться с ним столь бесцеремонно.

Он пошлет куда подальше всех этих друзей и все фотоальбомы. Все, что он будет делать, это впитывать в себя каждый момент. Никогда не знаешь, сколько еще вдохов и выдохов у тебя будет, и сколько моментов ты застанешь. Зря он их все так бездарно растратил.

Он подошел к дому почти на автомате. Вот и знакомая детская площадка. Опять мамы занервничали. На этот раз он это заметил.

Он вздохнул и уже было направился к дому, как за спиной услышал пронзительный визг тормозов и раздирающий сердце на части крик какой-то женщины. Обернувшись, он как в замедленном кино увидел мальчонку, выскочившего на дорогу за красивым надувным мячом, казавшимся неестественно ярким на серой дороге.

Еще доля секунды, и мужчина в пальто со скоростью пули вылетел на дорогу. В последний момент он успел спихнуть ребенка с дороги в канаву. А потом все погрузилось в черный мрак.

«Доктор, он открыл глаза» – услышал он где-то очень далеко от себя. Свет резал ему глаза. Его страшно тошнило. Через некоторое время он смог различать людей и предметы вокруг себя. Еще через некоторое время он смог говорить.

– Старайтесь не разговаривать много.

– Что со мной?

– Жить будете. У вас сломаны три ребра и присутствует сотрясение мозга средней тяжести.

– Вы говорите, жить буду? Доктор, вы, наверное, издеваетесь. Или сильно прогуливали лекции в институте? У меня рак последней стадии, и уж чего я точно не буду, так это жить.

– Молодой человек, вы помните, как вас зовут? Вы помните, какое сегодня число?

– Меня зовут Валентин, сегодня шестнадцатое мая. Почему вы это у меня спрашиваете?

– Я хочу удостовериться, что с вашей памятью и восприятием все в порядке. Что вы не в состоянии шока и не принимаете себя за кого-то еще.

– Что все это значит?!

– Когда вас привезли сюда, я сделал вам комплексное обследование, чтобы предотвратить возможное внутреннее кровоизлияние. Да у вас одно легкое, но это еще не говорит о том, что вы не будете жить.

– А как же опухоль?

– Какая опухоль? Ничего у вас там нет. Не морочьте мне голову.

Две недели спустя мужчина средних лет пришел домой. Пальто он забыл в больнице, но возвращаться обратно совсем не хотелось. Тем более, что на дворе было первое июня и было совершенно не холодно.

На галошнице лежал пухлый конверт. В нем были результаты его предыдущего обследования. Несмотря на приговор швейцарских врачей, он никогда не переставал надеяться и продолжал лечиться. Он знал, что если у него есть хотя бы один маленький шанс, он не упустит его. Дрожащими руками он разорвал конверт. К многочисленным обследованиям прилагалась выписка, в которой сухо говорилось: признаков заболевания не обнаружено.

Елена Мейсак

Москва, июнь 2011

Полмира до тебя

Это происходило словно в немом кино замедленного действия. Изящный френч-пресс наклоняется и стремительно падает на белую скатерть. Через секунду огромная лужа растекается на полкухни, источая резкий кофейный аромат.

Рядом стояла красивая молодая женщина и смотрела на происходящее застывшим взглядом. «Похоже, сегодня не мой день» – думала она. Мысли переплетались тонким узором. «Ну, если сегодня – не твой день, то что ты скажешь про вчера? И вообще, если это не твой день, тогда чей?». Ее раздумья прервал телефонный звонок.

Позвонивший сообщал ей, что обещанная на сегодня доставка автомобиля отменяется. Сотрудник офиса прокатной конторы, видите ли, заболел гриппом и привезти машину не сможет. Завтра ей привезет машину другой сотрудник. Не может ли он привезти ее сегодня? Да нет, конечно же. Ведь сегодня нагрузка на сотрудников и так многократно возросла.

Это значило, что намеченная на сегодня поездка в парк вулканов не состоится. Ведь ехать нужно на другой остров, слишком далеко. Вообще нужна ли ей теперь эта поездка? Ведь они должны были туда ехать с Алексеем. Планировали поездку еще из Москвы. Теперь предстояло ехать в одиночку.

Наскоро прибрал на кухне и собрав лужу лохматой тряпкой, заботливо оставленной хозяйкой, Марией, она стала думать, чем бы ей заняться сегодня. Кстати, ее тоже зовут Мария, а Алексей – ее молодой человек. Вернее был им когда-то. Подумав о том, что произошло, она и не заметила, как на глаза навернулись жгучие слезы.

В эту поездку на восхитительный остров Фуэртевентура ее пригласил Алексей. Они встречались уже два года, и он, заговорщицки улыбаясь, сказал, что хочет провести с ней незабываемые две недели. Ну да, и еще ему нужно сообщить ей нечто очень важное. Что же именно? Мария была уверена, что за этим таинственным сообщением скрывается предложение стать его женой. Хочет ли она этого? Конечно. Вдобавок все вокруг говорили, какая они прекрасная пара – Алексей обеспечен, красив и любит ее. А она без ума от него. Конечно же, ей хочется стать его женой.

Наверняка он хочет сделать ей предложение. Для чего же тогда он выбрал самый дорогой ресторан на острове?

– Котенок, мне очень больно говорить тебе это, но мы должны расстаться.

Раз! И эта фраза обрубила все ее мечты. Два! И ее мир раскололся надвое. Он пригласил ее на этот романтический остров с белоснежными пляжами только для того, чтобы сказать, что порывает с ней!

А поездку придумал, чтобы смягчить удар.

Оказывается, ему нужна жена его круга. Алексей – скрипач. И он лишь сейчас понял, что они с Марией не подходят друг другу. Сейчас у них романтический период отношений,

им хорошо вместе, но вот потом им просто не о чем будет поговорить. Простой рецензент ему не подходит. Рецензент не смыслит ничего в этих арпеджио. Не понимает, почему скрипач так расстроен, когда у скрипки рвется струна «ми».

«Нет, эта сволочь действительно считает, что я не знаю того, что пиццикато – это не новый вид доставки пиццы? И что глушилка – это, собственно, не новый пистолет с глушителем? И даже если бы и не знала, есть же интернет».

подавив желание запустить в него чем-нибудь, Мария резко встала, развернулась и пошла в направлении двери, едва не сбив с ног входящего в дверь высокого блондина в темных очках. «Все что ни делается – к лучшему» – твердила про себя она, закусив губу до крови. Пусть найдет себе невесту «своего круга». Вместе будут обрывать струны на досуге. Теперь она понимает, почему он вез с собой на две недели практически пустой чемодан.

Пожалуй, будет неплохо отправиться в энергичный заплыв. Тем более, что все самое необходимое у нее уже есть. Есть привезенная из Москвы маска, есть трубка, есть даже ласты, купленные в местном супермаркете. А самое главное – есть фирменный чехол для подводной съемки. Сейчас она приведет себя в порядок и можно отправляться. Интересно, как она будет выглядеть в этой маске космической формы?

Щелкнув резинкой на затылке, она посмотрела на себя в зеркало. «Очень даже ничего» – подумала она. Никто и не заметит ее задумчивого лица и темных кругов под глазами, оставшихся после бессонной ночи. «В путь» – подумала она, снимая маску, и вдруг... дзинь!

Маска на туго натянутой резинке соскочила с руки и угодила прямо в зеркало. Прежде чем Мария успела что-либо осознать, она увидела разлетающееся на сотни кусков зеркало, увлекающее в адский мир осколков то, что еще секунду назад было маской.

Мария инстинктивно отскочила от летящих стекол. Ну и денек! Что еще должно произойти сегодня? Ведь того, что уже произошло с ней, вполне хватило бы на целый детектив. Все почему-то валится из рук. Наверное, не так уж и плохо, что машину сегодня не привезли. Не очень-то хочется потратить свой отпуск на выяснение отношений со страховой компанией. Хотя во все эти таинственные знаки она не очень-то верила. Но, наверное, не стоило столь эмоционально качать права с прокатной конторой.

Переодевшись в шорты, футболку и удобные сандалии, и прихватив с собой одну из книг, она вышла на улицу. В купленной недавно карте говорилось, что примерно в десяти километрах от ее апартаментов находился один из самых прекрасных пляжей острова, природный песчаный парк Корралехо. Несмотря на то, что путь предстоял неблизкий, она решила идти пешком, останавливаясь по пути, чтобы сделать красивые снимки.

Пляж действительно был очень красив – масса теплого белого песка под ногами, лазурные волны океана, набегающие друг на друга, там и тут раздающиеся голоса отдыхающих – все это успокаивало и понемногу возвращало бодрость духа. Размеры пляжа были весьма внушительными, и чтобы окончательно не выбиться из сил, Мария решила где-нибудь присесть.

Расстелив ярко-красное полотенце и надвинув на брови шляпу, она села прямо у кромки воды. Шум прибоя – единственный шум, который ей хотелось сейчас слышать. Она достала книгу. Что это такое? «На краю земли» – гласило название. Впечатляет. О чем же это? Книга представляла собой чью-то биографию. Похоже, она выбрала самую неподходящую книгу из всех своих запасов. «Но... раз на романтическом острове не случилось романтики, займемся работой» – так рассуждала она. Достав из сумки карандаш для пометок, она приготовилась читать. Интересно, какая эту книгу ждет рецензия.

Книга была написана интересно, живым языком, и рассказывала про известную австралийскую группу, игравшую рок-музыку в стиле гранж. Только этого еще не хватало.

Но постепенно чтение затянуло. Заголовок, очевидно, взялся из названия страны. Down Under в переводе с английского означает «Австралия», но фразу также можно перевести как «на другом конце света» или «на краю земли». Первая пометка – заголовок книге не подходит. Можно подумать, книга написана про участников экспедиции судна «Челюскин». Хочется чего-то... более рок-н-рольного, что ли. Недосмотр переводчика, судя по всему.

Интересные фотографии. Вот с голым торсом на гитаре играет основатель и лидер группы, Хьюго Перт. Хьюго представлял собой личность довольно интересную. Иллюстрации в книге не могли скрыть его харизматичности и шарма. Высокий, светлые волосы достают практически до плеч, подтянутый, ни единой наколки, а точнее как это сейчас модно говорить, тату, на теле. А самое главное, нет округлостей на животе, появляющихся у некоторых мужчин уже после окончания школы.

Так, но что же по тексту?

Здесь все стандартно: детство, школа, бунтарский характер, брошенный институт, создание группы, турне, женщины на одну ночь, неудачная женитьба, развод, зенит славы... и весь этот калейдоскоп всего за 35 лет. Ну и о чем ей писать? Зачем редактору понадобилась на эту книгу рецензия? Лучшие времена для группы, похоже, уже в прошлом. Она резко закрыла книгу, почти что захлопнула.

Вдруг стало как-то темно. Похоже, собирался дождь. На Канарах? Да что сегодня за день такой?

– Простите, вы говорите по-английски?», – за ее спиной раздался приятный баритон.

– Говорю, но только с теми, кто не загораживает мне солнце.

– И как вам книга?

– Пожалуйста, отойдите, вы загораживаете мне свет и мешаете читать.

– Извините, я совсем не хотел вторгаться, просто, когда вы закрыли книгу, я не смог пройти мимо.

– Очень интересно, и почему же?

– Эта книга написана про меня. Я ее автор, и поэтому меня нарисовали на обложке.

– Ч... что?

– Я автор книги, меня зовут Хьюго, – сказал незнакомец, отходя, наконец, от солнца и присаживаясь рядом.

Она перевела взгляд с незнакомца на книгу. С обложки ей улыбался сидящий на корточках симпатичный молодой человек. Рядом сидел кто-то, чье лицо наполовину скрывали очки от солнца. Другую половину скрывала трехдневная щетина.

– А вот так узнаете?», – спросил Хьюго, снимая очки и откидывая волосы назад.

– Похожи, – ответила Мария. – Что вы здесь делаете?

– То же, что и вы. Отдыхаю от повседневных забот. На каком языке эта книга?

– На русском.

– Так вы русская? Вы – из Хабаровска?

– Из Москвы.

– Как интересно. Вы всегда читаете книги с карандашом?

– А вы всегда мешаете людям читать, загораживая им свет?

– Простите, просто любопытно. У меня никогда не бывает времени читать книгу так внимательно, тем более, подчеркивая мысли карандашом. От корки до корки я читаю лишь контракты. Поэтому меня заинтриговал ваш стиль чтения. Тем более, что книга обо мне.

– Я пишу рецензию на вашу книгу.

– Как интересно. И почему?

– Я рецензент. Работаю внештатно с одним крупным российским интернет-порталом.

– Вот как. Мне показалось, что вы немного молоды для такой профессии. Ну да ладно. И как вам книга?

– Интересная. Хотя если честно, я только начала читать.

Они поболтали еще несколько минут на отвлеченные темы. Мария узнала о том, что Хьюго приехал на Фуэртевентуру на две недели, и завтра его каникулы заканчиваются. Ну а ей пора было собираться в обратный путь. Тут оказалось, что Хьюго остановился где-то рядом с ее апартаментами. Хьюго вызвался проводить ее, а потом вдруг пригласил на ужин. Перспектива провести вечер с еще одним любителем струнных инструментов ее явно не прельщала.

«Мне уже давно не приходилось общаться с таким интересным собеседником, как вы» – говорил Хьюго. Когда ты работаешь в рок-индустрии, девушки восторженно смотрят тебе в рот, без конца говорят комплименты, просят сфотографироваться вместе, просят автографы. Сначала это очень подкупает, ты чувствуешь себя таким исключительным, королем рок-н-ролла, не меньше. А потом от этого начинаешь уставать. Я очень люблю своих поклонников, но мне так хочется пообщаться с кем-то, кто может рассказать тебе что-то еще, кроме того, какой ты умный и красивый. Например, что ты загораживаешь ей солнце.

Мария вежливо отказалась. Ей совсем не хотелось становиться очередной игрушкой искушенного ловеласа.

– Тогда могу я вас просить о небольшом одолжении? Просьба может показаться немного странной, но это очень важно. Через полгода мы приезжаем в Москву с концертом, в нашем шоу есть эпизод, где молодая девушка на пару минут появляется на боковом балконе. С противоположного балкона будет находиться ее сценический кавалер. Эту небольшую роль должна была играть одна девушка, но выяснилось, что она беременна. Теперь ее некому заменить.

– Вы шутите? Вы хотите сказать, что за полгода не сможете найти актрису на эту весьма эпизодическую роль?

– Но ведь вам нравится гранж? Вы ведь читаете мою книгу?

– Мне нравится Моцарт. А читаю я все книги, и которые нравятся, и которые не нравятся абсолютно. Хотя ваша книга читается легко, не исключено, что она мне еще понравится.

– Хорошо. Буду с вами честен. Я узнал о беременности Алисии, актрисы, которая должна была выйти на сцену в том эпизоде, только вчера. Конечно же, я могу найти ей замену. Но мне хочется, чтобы это были именно вы. Вы ээээ... представляете очень подходящий типаж. Вот, возьмите это на память о нашей договоренности.

Самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу аэропорта Фуэртевентуры и готовился к взлету. У окна сидела молодая, загорелая и очень симпатичная девушка. Настроение у нее было прекрасное. «Действительно, лучший способ забыть о проблемах – сменить обстановку». Сейчас, две недели спустя, вероломство Алексея, хотя и заставляло сердце ныть, уже не казалось концом жизни.

«Но, боже, зачем я ввязалась в эту авантюру, зачем согласилась участвовать в какой-то бредовой роли на рок-концерте? Я, вероятно, сильно перегрелась на жарком канарском солнце. Или меня ослепил белый песок. Или... красота незнакомца. Да нет же, это был просто стресс. Пост-травматический синдром».

Если ей позвонит этот Хьюго, она ему все скажет. И чего он так удивился, что она просто с ним разговаривала, а не срывала с него пуговицы? Если честно, то и срывать было почти нечего, ведь на пляже люди носят купальники и плавки. И зачем только она дала ему свой телефон? Да еще и домашний. Но может быть, он уже забыл о ней, и неловкой ситуации удастся избежать. Так думала Мария, держа в руке небольшой ярко-желтый медиатор с выгравированной на нем буквой П.

Время летело незаметно. Зима в Москве выдалась очень холодной, за окном термометр практически все время показывал -20. Но Мария этого почти не замечала. Она была занята работой, которой становилось все больше. Как автор Хьюго оказался весьма талантливым, к тому же, несмотря на откровенную нелюбовь Марии к музыке в стиле гранж, песни Хьюго ей, пожалуй, даже немного нравились. Тексты были несколько необычны для этого жанра, но в них постоянно присутствовало что-то дерзкое, что-то вызывающее даже.

Она написала на книгу положительную рецензию, а интернет-портал ее опубликовал. Почти месяц книга лидировала в своей категории практически во всех книжных магазинах. Вскоре после этого Марию пригласил сотрудничать еще один интернет-портал.

Рецензии, которые она писала, не всегда были хвалебными, иногда она разносила книги в пух и прах. Но это не мешало ей продвигаться по карьерной лестнице. Все больше людей хотели, чтобы именно она написала рецензию на их работу. И вот одно издательство предложило ей контракт на постоянной основе. Некогда было больше думать ни о любителе отрывать у скрипки струны, ни о загадочном незнакомце Хьюго, известном на весь мир.

В одно хмурое и холодное январское утро из теплой постели ее вытащил пронзительный телефонный звонок.

– Привет, красавица! – прогремел веселый баритон, показавшийся ей немного знакомым.

– Эээээ...

– Извините, наверное, я ошибся. Мне нужна Мария.

– Это я. А с кем я говорю?

– Хьюго Перт. Ты помнишь меня? Мы встретились на пляже Корралехо.

– Да, конечно же, помню. Хотя признаюсь, по голосу не узнала.

У нее вдруг возникло странное ощущение. Как это еще называется? Сердце в пятки ушло? Ну не от страха же, хотелось бы надеяться.

– Моя вина. Мне кажется, я немного вышел за рамки стандартного времени, в течение которого парень не звонит девушке, но у меня есть объяснение – на меня после отпуска такой креатив нашел, что я заперся буквально на несколько месяцев у себя дома и написал песен почти на целый альбом. А потом мы начали его записывать. Уже записали гитары, но нужно будет прерваться, так как мы уезжаем в европейское турне. Как ты насчет моего предложения?

– Какого предложения?

– Да брось ты. Только не говори, что не помнишь, как дала согласие на эпизодическую роль в нашем концерте.

– Ах да. Конечно. Только можно меня загримировать? И дать мне темные очки?

– Очки не подойдут к образу, но я тебя понял. Наши гримеры наложат тебе грим, а также дадут толстый парик – тебя никто не узнает.

– Спасибо.

– Дай мне адрес твоей электронной почты, я сейчас попрошу своего ассистента прислать тебе контракт. Сумма гонорара там будет указана. Если она тебя не устроит, прошу тебя, позвони мне. Я не могу поверить, что ты даже не взяла тогда мой телефон.

– А ты, однако, шутник.

Мария читала контракт. Гонорар! Ей даже в голову не приходило, что за эту эпатажную выходку ей еще и гонорар заплатят. Ну что же, ее прошлая жизнь фрилансера на вольных хлебах показала, что гонорар никогда не бывает лишним.

Наступил день концерта. Мария в оговоренное время приехала в спорткомплекс. Машину было сложно поставить. В центре города все как обычно было заставлено автомобилями, тем более, дело было зимой, и сугробы занимали часть ценного дорожного пространства. Но опаздывать было никак нельзя, поэтому она просто заехала в какую-то арку и бросила машину почти на дороге, надеясь все-таки застать ее там по возвращении.

Когда пришло время выходить на балкон, у нее подгибались колени. Когда-то она боялась в школе отвечать у доски, а сейчас ей предстояло появиться перед аудиторией в несколько тысяч человек. Толпа ревела, атмосфера была наэлектризована. Но вот, наконец, девушке удалось справиться с собой. Вот она на импровизированном балконе, рядом со сценой, на ее лице десять тонн грима, а на голове красуется здоровенный черный парик. Концерт в самом разгаре. Вон Хьюго, слева, в ближнем к ней углу. Фанаты как обычно устроили серфинг. Кто-то катается на руках, первые ряды танцующего партера пытаются фанатеть, не сломав друг другу ребра при этом. У некоторых в руках растяжки с надписью Down Under.

И вот... опять кино замедленного действия. Перегородка, отделяющая разгоряченных фанатов от сцены, внезапно падает, и толпа прорывается сквозь кордон секьюрити. Мгновение спустя она потоком хлынула к сцене. Вот народ уже лезет на сцену. Последнее, что Марии удалось разглядеть перед тем, как на сцене начался всеобщий хаос, это был Хьюго, прогоняющий группу за кулисы. Затем он молнией метнулся к Марии, перепрыгнул через балкон, схватил ее буквально в охапку и ринулся в коридор.

– В гримерку мы добежать не успеем. Нужно сматываться из спорткомплекса через служебный вход. Ты, случайно, не на машине?

– На машине.

– Уедем на ней.

– Но куда?

– Не знаю. Может быть, поколесим вокруг спорткомплекса немного, а потом вернемся.

– Хм. У меня есть идея получше.

Они бежали по длинному служебному коридору, освещенному тусклыми лампами. Мария в своем экзотическом парике и гриме выглядела нелепо. Но на прихорашивание времени не было.

Добежав до подворотни, она увидела у арки свой одиноко стоящий Рено. Они со скоростью света запрыгнули в машину, и девушка, резко выжав сцепление и включив первую передачу, затем столько же энергично нажала на дроссель.

– Эй, ты полегче.

– Терпи, Хьюго. Видишь, сколько съехалось полиции. Позвони своим, скажи, что с тобой все в порядке. Я отвезу тебя к себе домой. Вряд ли ты можешь разгуливать в таком виде, на тебе даже рубашки нет. Как пел, так и убежать пришлось. Нужно придумать что-нибудь.

Когда они приехали в поселок Ленино, была уже почти полночь. Ворота открыла Ольга Степановна. Она и ее муж помогали Марии по хозяйству.

– Батюшки! Ну чего я только за свой век не перевидала, но чтоб голых мужиков в машине привозили вампиры среди ночи, это что-то новенькое!

– Ольга Степановна, это мой знакомый, иностранец. У нас сегодня небольшая внештатная ситуация возникла. Вы не попросите пальто у Антона Григорьевича, чтобы гость не замерз, пока мы до дома дойдем?

– Знаем мы ваши внештатные ситуации, – заговорщицки улыбнулась она. – Сейчас принесу.

Полчаса спустя Мария и Хьюго сидели в небольшой уютной гостиной. В руках они держали чашки с дымящимся горячим шоколадом, заботливо приготовленным Ольгой Степановной. В камине потрескивала поленница дров, отбрасывая причудливые тени. Хьюго смотрел на Марию.

– Красивый у тебя дом. Давно ты здесь живешь?

– С самого детства. Только раньше это был обычный деревенский дом, но потом мы отстроились, провели удобства, сломали печку, поставили камин.

– А где живут твои родители?

– В Москве. У них там большая квартира. Они не захотели возвращаться в Ленино, но я для себя решила, что когда перестроим дом, я обязательно буду жить здесь. У меня с этим домом связано столько приятных воспоминаний. К тому же, мне для работы тишина нужна. В квартире никак это не удавалось, то сверху молоток застучит, то снизу дрель заработает. Кстати, Ольга Степановна тебе приготовила гостевую комнату на первом этаже, рядом с гостиной.

– Спасибо. Я хочу тебе задать один вопрос.

– Давай.

– Могла бы ты завтра со мной поужинать? Пожалуйста, не отказывай мне... мне через полмира сюда пришлось добираться, но я очень хотел вновь тебя увидеть. Я так ждал этого дня, когда смогу вновь поговорить с тобой. Наш менеджер, узнав о новом альбоме, хотел еще в ноябре отменить европейские концерты, чтобы не прерывать запись, но я настоял на том, чтобы турне состоялось. И вот мы вместе, до следующего концерта в Питере еще 3 дня. Почему бы нам не сходить куда-нибудь?

– С удовольствием.

– Тогда позволь представиться. Меня зовут Хьюго Перт, и, к сожалению, я звезда. Рок-звезда. Я ненавижу, когда меня называют Хью. Ну а какая у меня жизнь, ты сегодня имела возможность сама увидеть. Но я все равно хочу пригласить тебя на ужин. Кстати, это ужин или первое свидание?

– Пожалуй.

*Елена Мейсак
Москва, 2011 г.*

Волк

Дед Семен был далеко не робкого десятка. Но то, что постоянно случалось в его хозяйстве, вызывало дрожь даже в нем. Он работал лесником и жил в удаленной российской деревушке, где коротал свои дни вместе со своей женой и пятерыми ребятишками. Вообще-то он не был дедом, ему было всего пятьдесят лет. Женился он по местным меркам, довольно поздно, к тому же, его лицо постоянно было небрито и хмуро. Наверное, поэтому его и прозвали дедом.

Ему нравилось здесь жить. Бывший городской житель, он никогда не понимал городских проблем: огромных пробок, невыносимого темпа жизни и необходимостью все время куда-то спешить. Здесь он был сам себе хозяин: делал что хотел, ел что хотел, шел куда хотел. Ни за что и ни за какие деньги он не променял бы эту жизнь на жизнь в большом городе.

И все бы было в его жизни практически идеально, да вот приключилась с ним беда, которая как заноза в пальце не давала ему жить спокойно. Как и полагается, Семен вел небольшое хозяйство: была корова, козочки, ну и куры, конечно. Так вот эти самые куры и причиняли ему больше всего хлопот.

Не потому, что не хотели нестись вовремя, не потому, что болели или не ели. А потому, что на кур положил глаз вор. Страшный вор. Хитрый вор. Безжалостный вор. Вор, которому мало было просто украсть курицу.

Судя по лужам крови, который находил во дворе Семен, мерзкий трупоед сначала жестоко мучил ее, а потом лишь крал. Казалось, это была своеобразная месть за то, что он здесь поселился. Как будто он занял чью-то территорию, как будто кому-то перешел дорогу. Не важно, что послужило причиной, главное, время от времени у него регулярно пропадала курица. И с этим Семен был намерен разобраться, а вора наказать.

Долго не мог понять Семен, кто же так жестоко обходился с его птицей. Сначала он пытался следить за вором, но в какое бы время он ни приходил на задний двор понаблюдать за курятником, сколько бы ни сидел в засаде в полной темноте, ему ни разу не удавалось застать убийцу. Однако проходило несколько дней, и новая курица традиционно исчезала, оставив за собой кровавый шлейф.

Пробовал Семен расставить у курятника капкан, но вор словно бы насмеялся над ним, терпеливо обходя железные тиски и унося новую жертву с собой в лес. Отчаявшись, Семен разбросал куски курицы, наспигованные крысиным ядом, но и это не помогло. Вор издевался над ним, а в качестве доказательства того, кто здесь главный, уволок еще одну несущку в тот же день. Наутро Семен застал в своем дворе душераздирающую картину: яд был нетронут, в курятнике не хватало еще одной курицы, а к калитке опять вел кровавый след.

Кража кур не давала Семену спать ни днем, ни ночью. Он постепенно становился раздражительным и злым. Повышал голос на жену и детей из-за малейшего пустяка, а все свободное время проводил, уставившись в телевизор, а то и просто в стену. Самое главное, что куры иногда исчезали посреди бела дня, как будто в издевку. Так продолжалось до зимы.

И вот пушистый белоснежный ковер укутал землю, словно пуховым покрывалом. Ветки деревьев отяжелели, покрылись толстым слоем снега. Ребятишки с удовольствием носились на санках с ближайшей горки. Жена вязала новый свитер, уютно расположившись у печки.

Однажды, проходя мимо курятника, Семен увидел на снегу отчетливый след. Нет, это был не человек, не медведь и не лиса. След был похож на собачий, только гораздо крупнее. Без сомнения, это был волк. Семен ринулся в курятник, но скорее, к его изумлению, чем к радости, все куры были на месте. Мохнатый преступник словно приходил на разведку, вынюхивая изменения обстановки и готовя новый кровавый план.

Никакие замки и стены не могли остановить коварного врага. Каждый раз он находил новый способ прорваться в курятник. Удивительно было и то, что волк умудрялся совершить свое черное дело совершенно беззвучно. Сидящие в доме никогда не слышали переполоха. Его враг был невероятно умен, но самое главное, что он был просто чудовищно хитер.

Не прошло и нескольких дней, как курятник постигло новое нашествие. Подойдя к двери, Семен вновь увидел кроваво-красный след. На этот раз его хозяйство не досчиталось уже двух куриц. «Похоже, этот гад зимой жрет за двоих» – злобно подумал Семен.

В этот момент чаша терпения Семена переполнилась. Он съездил в город, купил новую двустволку и патроны, и сказал себе, что лучше замерзнет у курятника, но больше не уйдет, пока не прикончит поганую гниду. Семен взвел ружье и приготовился ждать.

И по удивительному совпадению, не прошло и трех часов, как у курятника появился Он. Семен оценил его в долю секунды: крупный, серый, очень лохматый, осторожно вышагивал по направлению к своей добыче.

«Молись, гад, тебе пришел конец!» – подумал Семен и вскинул ружье. Движение рук Семена не осталось незамеченным. Волк его увидел. Еще секунду преступник пребывал в замешательстве, что ему делать: вот дрогнула лапа, пытаюсь повернуть мохнатое тело в сторону калитки. Но тут же это желание было подавлено, потому что волк, казалось, понимал, что малейшее движение лишь сократит его путь к неминуемой смерти. Молча он смотрел на Семена и, кажется, понимал, что его песенка спета.

Так и стояли они с минуту, человек и волк, который во все глаза смотрел на направленное ему прямо в лоб ружье. Палец Семена лежал на курке, но руки дрожали, и он никак не мог нажать на спуск. «Давай же, ты, тряпка!» – говорил себе Семен. И тут он словно окаменел. Взглянув опять в глаза волка, еще несколько секунд назад бывшие такими безжалостными и злыми, Семен вдруг увидел в них... слезы.

«Нет, ты меня не проведешь, старая бестия!» – выругался про себя Семен. Но как он ни пытался убедить себя в том, что это страх внушает ему подобные мысли, сомнения не было: волк плакал. Словно бы со стороны наблюдал Семен, как опустилась его рука, как бросила на землю ружье. Еще с секунду они с волком смотрели друг другу в глаза, после чего зверь развернулся и тихо побрел к выходу. Оказавшись у калитки, он обернулся и посмотрел на Семена. Еще через пару секунд он скрылся из вида.

Елена Мейсак
Халкидики, сентябрь 2011

Амбrellа для нового русского

Вадим Емельянович сидел в своей машине на обочине дороги и разглядывал автомобильную карту. Он уже давно не пользовался бумажными картами, обходясь маленьким скромным GPS-навигатором, но бестолковый кусок буржуазного интеллекта почему-то решил сломаться именно в этот момент. Сегодня все шло решительно не так. Вадим Емельянович для своих сорока лет уже многое повидал, и ему не привыкать к трудностям, но когда дело касалось Машки, он словно бы терял точку опоры, вновь становился неуклюжим, прыщавым подростком, не умеющим себя вести и не знающим, что сказать.

Машка – его дочь. Недавно ей исполнилось 14 лет, и временами эта девочка напоминала ему не дочь, а выходца с другой планеты. Он совершенно ее не понимал и готов был побиться об заклад, что чувство это было довольно-таки взаимным. Он не знал, что ей еще нужно, и почему она не может быть такой, как дочери его друзей. В какой-то мере ему импонировал ее сильный, волевой характер, она очень напоминала ему его самого. Но, боже мой, она, похоже, была совершенно неуправляемой.

И совершенно не хотела быть такой как все. В 12 лет она тайком от родителей проколола себе пупок, потом появился этот уродливый могильно-черный цвет помады и лака для ногтей, пронзительный цвет волос и наглая ухмылка на лице.

Начиная с пяти лет няньки у Марии Вадимовны задерживались не более недели, после чего, заламывая руки, уходили, порой даже не спрашивая о жаловании. Сейчас убегают уже не няньки. Сейчас сама Мария Вадимовна чуть что – грозит убежать из дома. Что хочешь с ней, то и делай. А если бы вы знали, какую музыку она слушает! От одного вида альбомов ее любимых групп передернет любого здорового человека.

С четвертого класса Маша стала из рук вон плохо учиться, хотя всегда отличалась острым, цепким умом. Уже в три с половиной года она медленно, но правильно читала простые слова, хотя ее, вроде бы, никто особо не учил.

И за что только такая черная неблагодарность. Вадим Емельянович и его супруга Наталия Андреевна из кожи вон лезли, чтобы дать Машеньке все, что нужно, сделать так, чтобы ребенок никогда и ни в чем не нуждался. Вадим Емельянович родился в простой семье заводских рабочих, но он так хотел добиться лучшей жизни, что работал как проклятый, работал на двух работах, «бомбил» на машине, параллельно учился, а затем создал и свой бизнес.

И вот, к сорока годам он уже не нищий Вадик, а Вадим Емельянович, крупный бизнесмен, миллионер, владелец особняка на Рублевке и нескольких домов в Италии, Франции и Хорватии. В его жизни изменилось все, кроме одного: Вадим Емельянович по-прежнему гнул спину на своем предприятии с утра до вечера, вставал засветло, а домой приходил глубокой ночью.

Наталия Андреевна старалась не отставать от него. Ей тоже несладко пришлось. Она вышла замуж, будучи молодой девятнадцатилетней девушкой, неискушенной и неопытной. Вадим Емельянович не разрешил ей продолжать работу лаборантки в ее институте, не к лицу бизнесмену было такое окружение. Он не возражал против того, чтобы Наташенька про-

должила обучение, но когда ей исполнилось 20 лет, родилась Маша, и с учебой пришлось покончить.

Наталия Андреевна была не робкого десятка, она понимала, что неработающую и необразованную жену муж такого калибра враз променяет на какое-нибудь молодое, длинноногое, грудастое и большегубое создание, поэтому она старалась не терять времени даром.

Пыталась остаться интересной личностью. 7 дней в неделю она посещала фитнес-клуб, пять раз в неделю – косметические процедуры, один раз в неделю выбиралась в центр с целью изысканного шопинга. Ну и конечно, общение с подругами. Нельзя было выпадать из социального круга, это всегда чревато тем, что клуша-жена начинает говорить только о пирогах и пеленках, и она искренне считала, что от таких жен начинает воротить уже после десяти минут общения.

Надо сказать, что все эти попытки были вознаграждены по достоинству. В свои 34 года Наталия Андреевна выглядела лет на 20. Стройна, подтянута, одета с иголочки. Если бы она прошла со своей дочерью Машей, то их, скорее всего, приняли бы за сестер или подруг. Только вот вместе Наталью Андреевну и Машу живущие ныне обитатели престижного поселка не видели уже очень, очень давно.

Вадим Емельянович внимательно читал контракт, который ему принесли юристы. Сделка назначена на завтра, нужно торопиться, иначе конкуренты быстренько перехватят инвестора. А потом нужно подумать о своих перспективах. Ему уже сорок с небольшим, пора бы уже и о политике задуматься. Все, вроде бы, было в порядке. Он достал из кармана ручку престижной фирмы Монблан и уже собирался «подмахнуть» многомиллионный контракт, как зазвонил телефон.

– Марина, не сейчас. Скажи, что я на встрече, мне нужно закончить очень срочную работу.

– Вадим Емельянович, на линии подруга вашей дочери, Ира. Она говорит, что это очень срочно и, кажется, она плачет.

– Господи, ну что там еще?! Хорошо, соедини меня с ней.

Голос Машиной подруги ему совсем не понравился. Девочка говорила путано, ее рассказ тонул в бесконечных всхлипываниях.

«Что? Куда она пошла? Какая еще Амбrella?» – из сбивчивого разговора подруги дочери он понял, что Маша направилась в какое-то ужасное место с непонятной компанией, девочка не поняла, с кем именно, возможно, какими-то сектантами.

Кровь отхлынула от лица Вадима Емельяновича. Что значит, «какими-то сектантами»? Если говорить по-русски, кто это вообще? Какие-то сатанисты? Какие-то наркоманы? Какие-то бомжи? Господи, а вдруг Машка принимает наркотики? А вдруг эти сектанты приносят там кровавые жертвы и проводят чудовищные оргии?

Контракт упал на зеркально надраенный паркет. В глазах Вадима Емельяновича все поплыло. Он рывком встал с кресла, подбежал к сейфу, достал оттуда пачку денег. Потом схватил свой портфель и выбежал из офиса.

Какой-то придурок заблокировал проход на парковку со стороны улицы, и Вадиму Емельяновичу пришлось обходить дворами. В очередной раз его передернуло от того, что в самом центре города, в пятидесяти метрах от детской площадки находится заброшенный полуразрушенный дом, и никто не может его отремонтировать или снести. Фасады выли-зали, а во двор зайдешь, так чувство такое, что война закончилась только вчера.

Словно бы подтверждая его мысли, от стены разрушенного дома бесшумно отделилась фигура в черном, развевающимся по ветру длинном балахоне, и спешно скрылась во дворе. «Вот-вот, и я о том же» – раздраженно подумал Вадим Емельянович.

Сев в машину, он рванул так, что его любимый холеный Порше Кайен издал жалобный рык раненного льва.

Он не знал, куда ехать. Черт! Он сорвался с места, даже не сообразив, где находится эта Амбрелла. И что это такое вообще, он тоже не знал. Может быть, нужно с собой было брать отряд бойцов, а он собрался туда один. Боже, ну и дурак. Но медлить было нельзя. Он достал телефон:

– Марина, срочно найди, что такое Амбрелла, и где это вообще находится!

Через десять минут зазвонил телефон. Оказалось, что это романтическое название принадлежит одному из самых зловещих мест Москвы, под названием Ховринская больница.

Во времена строительства светлого будущего планировалось построить огромную больницу на 1300 мест, превосходящую по вместительности даже всем известный Склиф, но потом строительство резко прекратилось. Позднее его опять пробовали начать, но это и во второй раз не увенчалось успехом.

Никто так до сих пор и не знает, почему. То ли закончилось финансирование, то ли из-за просчетов геодезистов дом начал резко просаживаться. Неудивительно, отметил про себя Вадим Емельянович. Неудивительно, что в советское время показухи и приписок могли и деньги «потерять» (и найти на чьей-нибудь даче, ухмыльнулся бизнесмен), так и не доделывать исследования или и вовсе что-то подделать, лишь бы скорее сдать объект.

Он никогда не забудет строительство многоэтажки в том московском районе, где он в детстве жил. Дом находился возле пруда, его строительство растянулось на 10 лет, злые языки поговаривают, что дом без конца «плыл». Каким-то образом строительство удалось закончить, и насколько ему известно, дом стоит до сих пор, только вот крыша там текла еще долго.

В общей сложности, Ховринская больница стоит, недостроенная, уже почти 30 лет. Она зовется в народе ХЗБ, сокращенно от Ховринская заброшенная больница, или Амбрелла, благодаря своей причудливой форме, напоминающей что-то там из компьютерной игрушки.

Амбrella имеет исключительно дурную славу среди населения, являясь местом сборищ различных прослоек дна общества, начиная от ночлежек бомжей и заканчивая оргиями сатанистов. Иногда там находят мертвых людей. Известно это место и среди так называемых «сталкеров», любителей экстремального туризма, вечно ищущих приключений на свою задницу.

Место это как магнитом притягивает молодых людей, возраста примерно Машкиного или чуть постарше. «И куда только смотрят родители!» – с негодованием подумал Вадим Емельянович. И в этот момент его сердце сжалось, словно тисками. Он бы вероятно, возглавил это сообщество нерадивых родителей, которым дети нужны лишь для мебели или «потому что время пришло», или чтобы было кого друзьям показать. Вот, мол, мы какие! У нас все хорошо. Как и у вас. Как и у всех.

Вадима Емельяновича передернуло. Он никогда не слышал об этом месте. Говорят, все подвалы в нем затоплены. Как, скажите мне, как в Москве почти 30 лет может простоять недостроенное многоэтажное здание?

Почему этот криминальный рассадник никто не снесет? Неужели место это столь страшно, что туда боится ходить даже полиция, как когда-то было с Хитровкой, где сейчас расположен его шикарный офис? Но самое главное, почему и боже, зачем туда пошла его дочь?!

Что-то еще? Здание было построено на месте старинного кладбища? Имеет дурную энергетику? Это Вадим Емельянович слушал уже вполголоса. Не верил он в это. Особо впечатлительные личности видели там призраков. Ну а это, тем более, бред.

В городе очередной транспортный коллапс. Вадим Емельянович заметно нервничал и без конца курил. Он едет уже третий час. Сейчас зима, темнеет рано. Нужно успеть найти Машку до темноты, ведь если все то, что говорят про это чудное место, хотя бы отчасти правда, то мало ему не покажется. Фонаря с собой нет, можно провалиться в развал – так называемые ловушки, ведь во многих местах отсутствуют межэтажные перекрытия, зато присутствуют открытые шахты лифтов. Да и зачем ему фонарь. Кому охота становиться мишенью.

Наконец исторические здания и сталинские дома начали сменяться унылым пейзажем спального района. Типовые социалистические многоэтажные домишки, как две капли воды похожие друг на друга, выстроились вдоль дороги.

Вадим Емельянович свернул на какую-то улицу и посмотрел на навигатор. «Поверните направо и двигайтесь 30 километров в сторону северо-востока» – радостно сообщила тетка в навигаторе. Красная стрелка вела куда-то в Капотню. «Это еще что за хрень?»

Он нажал кнопку сброса направления и задал его заново. «Поверните налево и двигайтесь 25 километров в юго-западном направлении». На этот раз навигатор любезно предлагал отправиться в сторону дома. «Не сейчас, детка». Странности происходили и после третьей попытки. «Да что же это такое происходит сегодня!» – в сердцах воскликнул Вадим Емельянович и вмазал навигатору «в пятак». После чего навигатор окончательно «сдулся», монитор его погас.

– Алло! Наташа! Наташа! Ты дома? Мне нужно, чтобы ты срочно посмотрела в интернете на карте, где находится Ховринская больница. Кажется, Машка туда пошла. Это очень опасно. Я сейчас еду туда.

– Что? Вадим, это ты? Перезвони, пожалуйста, позже, я сейчас не могу говорить, я в салоне, у меня краска на волосах, сейчас телефон залью.

– Ах ты тварь! Вырвалось у Вадима Емельяновича. Он с ненавистью бросил трубку, которая упала на резиновый коврик возле пассажирского сиденья.

Он достал из бардачка бумажную карту, которую возил с собой с начала перестройки, еще когда «бомбил» по улицам на своей старой «шестерке».

Карта была грязной, замусоленной, на ней отсутствовала куча новых улиц и направлений, но Вадиму Емельяновичу она была дорога, как память. Еще бы, она столько пережила вместе с ним. Минут десять он крутил-вертел карту в руках и, наконец, понял, что находится уже довольно близко от зловещего места, где не могут найти покой неприкаянные души.

Через пять минут он припарковал машину возле здания, которое можно показывать в фильме ужасов. В том же самом городе, наводненном различными Порше, Бентли, Майбахами, Мерседесами и БМВ, городе, где жилье можно купить и за 7 тысяч долларов за квадратный метр, городе с его закрытыми клубами и ресторанами, городе, жители которого путешествуют за границу и покупают там дома... в этом же самом городе стоит высокое заброшенное здание, с отсутствующими стеклами в оконных рамах, здание, в котором планировалось спасать человеческие жизни, но которому было на роду написано их забирать.

Здание было словно живым, оно походило на грустного беззубого старика, с немым укором взирающего на него и вопрошавшего, почему на свою пенсию он не может купить нормальной еды и лекарств. Здание словно бы вопрошало: «За что?».

Больница была спрятана за колючей проволокой. Походив туда-сюда, Вадим Емельянович наконец увидел вход. Господи, и я приехал сюда в таком виде! Да меня через пять минут уберут. Он подошел к охраннику, мигом вставшему во встревоженную стойку.

– Сюда нельзя!

– Командир, мне очень нужно. У меня дочка, похоже, сюда пошла.

– Сюда нельзя!

– Послушай, пропусти, мне очень нужно! Вадим Емельянович порылся в карманах, достал скомканную пятисотрублевку и протянул охраннику.

– Сюда нельзя!!! Ты что не слышал? Сейчас ментов позову.

Бизнесмен вернулся к машине. И вдруг его осенило. Он достал свой счастливый талисман, свою истрепанную временем карту, достал из пачки денег несколько купюр, изображающих американских президентов, и положил между страницами. Потом вновь подошел к охраннику.

– Командир, я неместный, заблудился в этом районе. Будь другом, посмотри на карту, покажи, как мне выбраться отсюда.

С этими словами он протянул карту охраннику. Охранник открыл карту, но на его суровом лице не дрогнул ни один мускул. Постояв с долю секунды, он вдруг развернулся и пошел в сторожку. Через секунду из сторожки выпало что-то вроде телогрейки.

Вадим Емельянович не стал дожидаться второго шанса. Схватив телогрейку, он быстро забежал на территорию больницы и поспешил скрыться с глаз долой.

Когда он зашел в здание, то достал из-под пиджака железную монтировку, которую всегда возил с собой в машине на случай, если кто-то вдруг позарится на его Порше или его жизнь. Зашел в заброшенное здание. Здание как здание, ничего особенного. Выглядит как новостройка, а точнее недостройка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.